

Василий Васильевич Радлов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1971**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

*Памяти академика
Василия Васильевича Радлова
посвящается*

«Люди уходят, но созданное ими остается, а то, что сделано В. В. Радловым за его долгую жизнь, так велико, что память о нем будет свято храниться».

С. Ф. Ольденбург

Д. М. Насилов

В. В. РАДЛОВ И ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕУЙГУРСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Последнее десятилетие прошлого века в истории развития тюркологии ознаменовалось двумя выдающимися событиями: расшифровкой памятников орхоно-енисейской письменности и первыми находками в Восточном Туркестане многочисленных тюркоязычных письменных памятников. Введение в науку памятников рунического орхоно-енисейского письма отодвинуло нижнюю границу точно датированных памятников одного из древнейших тюркских языков до VIII в. Памятники из Восточного Туркестана давали богатейший материал по истории тюркских языков другого географического района, прежде всего древнеуйгурского языка.

Открытие в Центральной Азии древних памятников архитектуры, искусства и письма, а в особенности материалы, доставленные из Турфанского оазиса в 1897 г. русскими путешественниками П. К. Козловым и В. И. Роборовским, естественно, не могли не привлечь к себе внимание такого энтузиаста науки, каким был акад. Василий Васильевич Радлов. По его инициативе уже в 1898 г. при Академии наук была создана комиссия в составе В. В. Радлова, К. Г. Залемана, В. П. Васильева, С. Ф. Ольденбурга, А. А. Куника, В. Р. Розена и Д. А. Клеменца, которая разработала план новой русской экспедиции в Турфан для историко-археологических исследований. Возглавил эту экспедицию Д. А. Клеменц. Несмотря на малый состав участников и ограниченные сроки, ее результаты оказались прекрасными¹.

Эта экспедиция положила начало другим плодотворным

¹ См.: «Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan», Н. 1, St.-Pbg., 1899; С. Ф. Ольденбург, [рец. на:] «Nachrichten über die... Expedition nach Turfan»,—ЗВОРАО, 1900, т. XIII, стр. 065—068.

экспедициям в Восточный Туркестан как русских, так и зарубежных ученых².

Интерес со стороны востоковедов к изучению Средней и Центральной Азии, вызванный новейшими открытиями, был настолько велик, что на XII конгрессе ориенталистов в Риме (1899 г.) было принято решение об организации международного органа, координирующего планомерное изучение этого района. На следующем, XIII конгрессе в Гамбурге (1902 г.) при активном участии В. В. Радлова были утверждены устав и рабочие органы Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии. В начале 1903 г. в Петербурге был организован Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях, который явился национальным и в то же время центральным органом этого международного союза. Создание центрального органа именно в России было признанием заслуг и научных достижений русских исследователей Востока.

Этот комитет сыграл известную положительную роль в дальнейшем изучении истории и культуры Восточной Азии. Поскольку комитет получал государственную субсидию, он самостоятельно мог организовывать экспедиции и поездки ученых, а также приобретать ценные этнографические, лингвистические и другие материалы, которые пополняли фонды различных русских музеев. Здесь достаточно упомянуть такие его предприятия, как две экспедиции С. Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан (1909—1910 гг. и 1911—1915 гг.), финансирование и организация командировок С. Е. Малова к уйгурам и саларам, К. Г. Залемана в Среднюю Азию, В. И. Анучина по Алтаю, Е. Д. Поливанова и Н. И. Конрада в Японию, командировок А. Н. Самойловича, Б. Я. Владимирцова, В. В. Бартольда, И. И. Зарубина и др., а также помощь немецким турфанским экспедициям и отдельным зарубежным ученым³. Вдохновителем, организатором и бессменным председателем Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии был крупнейший тюрколог В. В. Радлов. Таким образом, с именем академика В. В. Радлова связаны

² См.: С. Ф. Ольденбург, Русские археологические исследования в Восточном Туркестане, — КМВ, 1921, 1—2, стр. 25—30; В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, Л., 1925; С. Е. Малов, Уйгуры и их изучение, — в кн.: С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования, М.—Л., 1951, стр. 95—104.

³ См.: ИРКИСВА, 1903—1910, №№ 1—10; сер. II, 1912—1914, а также фонд Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии... в ЛО Архива АН СССР: ф. 148, оп. 1, №№ 1—108 («Делопроизводственные материалы»).

не только лингвистическое изучение древнеуйгурских памятников, но и организация экспедиционной работы и приобретение рукописей, в результате чего наша страна имеет одну из богатейших коллекций этих памятников.

Последние двадцать лет своей жизни В. В. Радлов отдал в основном исследованию памятников древнеуйгурского языка. В эти же годы он много работает и над расшифровкой и изданием памятников орхоно-енисейской письменности. Исследование этих двух больших групп древнетюркских памятников для В. В. Радлова явилось естественным продолжением его работы над письменными памятниками тюркских языков.

Интерес к истории тюркских языков возник у ученого в то время, когда он при осуществлении своего грандиозного замысла — дать материалы по разным тюркским языкам, составить словарь, написать сравнительную грамматику тюркских наречий — работал над «Фонетикой северных тюркских языков». Эта работа показала, по собственному признанию В. В. Радлова, что «правильного понимания развития языковых форм ~~убраный~~ материал не дает, и лишь внимательное исследование письменных памятников позволяет понять развитие новых языков»⁴. Поэтому В. В. Радлов обращается к древнейшим из известных тогда тюркским памятникам письма⁵. Результаты этих исследований нашли отражение также в издании «Тюркского языкового материала Codex Comanicus'a»⁶, публикации ханских ярлыков⁷, семиреченских надгробных надписей⁸, раннеосманских памятников⁹ и в староузбекском (чагатайском) лексическом материале в «Опыте словаря тюркских наречий»¹⁰.

Следует особо остановиться на предпринятом В. В. Радловым издании крупнейшего литературного памятника XI в. «Кутадгу билиг», которое занимает почетное место в истории мировой тюркологии.

⁴ W. Radloff, Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun, T. II. Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo, Lfg. 1—2, St.—Pbg., 1900—1910, стр. 549.

⁵ W. Radloff, Bericht über die Ausgabe des Sprachmaterials des Codex Comanicus, — Mém. As., 1888, t. IX, 2, стр. 87—92.

⁶ W. Radloff, Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus, St.—Pbg., 1887.

⁷ В. В. Радлов, Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга, — ЗВРАО, 1889, т. III.

⁸ W. Radloff, Über das türkische Sprachmaterial dieser Grabinschriften, — ЗАН, сер. VII, 1890, т. XXXVII, № 8.

⁹ W. Radloff, Über alttürkische Dialekte. I. Die seldschukischen Verse im Rebâb-Nâme, — ИАН, нов. сер., 1890, т. I (XXXIII).

¹⁰ В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. I, вып. I, СПб., 1888, стр. IV—V.

Так сложилось, что первой стала известна науке рукопись «Кутадгу билиг», интерпретация которой представляла собой трудности не только языкового, но прежде всего палеографического характера. Небрежный почерк, обилие описок и ошибок еще более затрудняли дешифровку и без того сложного текста, написанного на уйгурском алфавите. Эта рукопись, которая известна теперь как Венская, была доставлена в начале XIX в. в Императорскую придворную библиотеку г. Вены. Она была вывезена из Константинополя среди других восточных рукописей австрийским востоковедом И. Хаммер-Пургшталем (Joseph von Hammer-Purgstall, 1774—1856), который состоял в то время на службе при посольстве в Константинополе¹¹. Краткая аннотация этой рукописи содержалась в составленном этим же ученым каталоге арабских, персидских и тюркских рукописей Венской библиотеки, который был позднее опубликован (правда не полностью)¹². Составляя каталог, И. Хаммер заинтересовался списком «Кутадгу билиг» и предложил его вниманию французских ориенталистов.

В первых двух тетрадах французского журнала «Journal asiatique» за 1825 г. появилась статья «Заметка о турецкой рукописи уйгурскими буквами» П. А. Жобера (P. A. Jaubert, 1779—1847)¹³. Этот ученый и политический деятель возглавлял тогда кафедру персидского, турецкого и арабского языков в Collège de France, крупном центре востоковедения в Европе XIX в. Он был известен также и как исследователь турецкого языка, написавший «Eléments de la grammaire turque».

Это была первая научная публикация, посвященная поэме «Кутадгу билиг». Она содержала следующие разделы: вступительные замечания о рукописи, транскрипция арабскими буквами и французский перевод предисловия к поэме, перевод оглавления-фихриста, краткое изложение содержания первых двенадцати глав с приведением перевода некоторых отрывков из них (например, о созвездиях Зодиака), пересказ основных идей поэмы о добродетелях, скромности, мудрости, нравах, список слов с персидскими глоссами, список некоторых часто встречающихся слов, замечания о дате со-

¹¹ I g. Fr. v. Mosel, Geschichte der Kais.-königl. Hofbibliothek zu Wien, Wien, 1835, стр. 211.

¹² J. Hammer, Codices arabicos, persicos, turcicos bibliothecae caesareo-regio-palatinae vindobonensis recensuit..., Vindobonae, 1820; см. также: «Fundgruben des Orients», Bd VI, Wien, 1820.

¹³ P. Amédée Jaubert, Notice d'un manuscrit turc, en caractères ouïgours, envoyé par M. de Hammer, à M. Abel-Rémusat, — JA, 1825, t. 6, № 31, стр. 39—52; № 32, стр. 78—95.

ставления поэмы и списка. Статья Жобера давала достаточно ясное представление о «Кутадгу билиг» как об одном из интереснейших и важных тюркских литературных памятников дидактического содержания. Кроме того, к ней было приложено литографическое воспроизведение текста предисловия и отдельных стихов поэмы.

Как известно, первое прочтение памятника бывает наиболее спорным и часто ошибочным, к тому же П. Жобер был преимущественно туркологом, поэтому его издание отрывков из «Кутадгу билиг» не может удовлетворить современного исследователя. Но все же мы не должны умалять заслуги этого ученого, познакоившего тюркологический мир с новым памятником.

Публикация Жобера позднее была использована Густавом Флюгелем в его описании восточных рукописей Венской библиотеки, где в третьем томе в разделе этических произведений под № 1864 помещена статья о Венском списке поэмы, причем ошибки чтения Жобера попали и в это описание рукописи¹⁴.

Литографическое воспроизведение Жобером текста предисловия позволило и другим ученым использовать его для публикаций.

В 1857 г. И. Н. Березин включил в «Отделение джагатайское или восточное» своей «Турецкой хрестоматии» текст предисловия к «Кутадгу билиг» по изданию Жобера как образец уйгурского диалекта¹⁵.

В 1861 г. отрывок из предисловия «по своему чтению, в самодельной транскрипции» и с русским переводом привел Н. И. Ильминский во «Вступительном чтении в курс турецко-татарского языка»¹⁶, причем он уже указывал, что Жобер «ошибочно дешифровал уйгурское письмо, его впоследствии поправил г. Березин, но не вполне»¹⁷.

Сто лет назад, в 1870 г., появилось издание, которое можно определить как первую научную публикацию текста «Кутадгу билиг»¹⁸. Венгерский ориенталист Герман Вамбери обладал достаточными познаниями в тюркологии для предприя-

¹⁴ G. Flügel, Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Kais.-königl. Hofbibliothek zu Wien, Bd 3, Wien, 1867, стр. 296—297.

¹⁵ И. [Н.] Березин, Турецкая хрестоматия, т. I, Казань, 1857, стр. 2—7.

¹⁶ Н. [И.] Ильминский, Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка, — «Ученые записки Казанского университета», Казань, 1861, кн. III, стр. 3—42.

¹⁷ Там же, стр. 27.

¹⁸ H. Vámbéry, Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik. Uigurischer Text mit Transscription und Übersetzung nebst einen Uigu-

тия этого издания: более 15 лет изучал он тюркские языки и народы; ему был близко знаком не только турецкий язык, но и среднеазиатские тюркские языки; он и до «Кутадгу билиг» занимался чтением и изданием памятников тюркской письменности¹⁹. И все же издание «Кутадгу билиг» сам Вамбери рассматривал как «результат той первой попытки, которого... удалось достичь в этом направлении»²⁰, и указывал, что перед ним возник ряд трудностей: неразборчивое письмо (между прочим, Вамбери работал непосредственно с рукописью «Кутадгу билиг», которая была предоставлена ему в личное пользование), отсутствие других списков, незнакомый мертвый язык, сложное содержание, — которые не всегда успешно преодолевались. Вамбери пошел по линии наименьшего сопротивления: непонятные, сложные стихи он просто опустил, полагая, что эти купюры можно восполнить после открытия других списков поэмы²¹, а поскольку таких мест в поэме оказалось немало, издание получилось весьма неполным: приблизительно шестая часть поэмы²².

Книга Вамбери открывается введением, состоящим из ряда отделов. Первый из них посвящен имени «уйгур», а также родине уйгуров, их социальным отношениям и языковым памятникам, далее дается общая характеристика уйгурского языка, письма и объяснение знаков уйгурского алфавита, потом приводятся сведения о возникновении «Кутадгу билиг» и о дате написания памятника и Венского списка, после этого дается характеристика почерка списка, его особенностей. Значительное место занимает также раздел о некоторых грамматических формах и лексическом своеобразии уйгурского языка, причем грамматика дается в сопоставлении с фактами чагатайских памятников или турецкого языка. За введением следует текст «Кутадгу билиг», представляющий собой транслитерацию оригинала маньчжурскими буквами, латинскую транскрипцию и немецкий перевод. К книге приложен словарь, который включает в себя преимущественно уйгурские слова, отсутствующие в европейских словарях османского и чагатайского языков, с подтверждающими цитатами из всего текста поэмы и в сравнении их с данными языков якутского, чагатайского, османского, монгольского и венгерского. В качестве приложений были приведены отрывки из позд-

risch-deutschen Wörterbuche und lithografierten Facsimile aus dem Originaltexte des Kudatku Bilik, Innsbruck, 1870.

¹⁹ См.: H. V á m b é r y, Cagataische Sprachstudien, Leipzig, 1867.

²⁰ H. V á m b é r y, Uigurische Sprachmonumente, стр. III.

²¹ Там же, стр. III.

²² Там же, стр. 181—182; ср.: Э. И. Ф о з и л о в, Қадимги обидалар ва Алишер Навоий тили, Тошкент, 1969, стр. 12.

нейших уйгурописьменных памятников — ярлыка Тимура Кутлуга и «Бахтияр-наме», а также факсимиле 11-й страницы рукописи «Кутадгу билиг», между прочим, одной из самых плохо читаемых во всей рукописи.

Несмотря на неполноту издания, выход в свет книги Г. Вамбери явился новым шагом в деле изучения поэмы «Кутадгу билиг». В качестве оценки уместнее всего привести слова самого Г. Вамбери, сказанные им во введении: «Оковы загадочности и таинственности, в которых оставил Жобер „Кудатку билик“ и из которых так звал девиз этой книги, разрушены; большая подготовка, многолетние практические занятия восточнотюркскими диалектами и, наконец, большее богатство вспомогательных средств увенчали мои усилия большим успехом, чем у моего предшественника, и все же я далек от утверждения, что источник можно исчерпать до дна: он все еще утаивает многие бесценные богатства тюркологии и жаждет более искусных рук, чем являются мои»²³.

Таким ученым, который смог принять на свои плечи тяжесть нового, исчерпывающего издания поэмы «Кутадгу билиг», и явился академик В. В. Радлов. Поскольку в издании Г. Вамбери «приводятся лишь извлечения из древнейшего памятника турецкого языка, да и то с пропусками, и все издание носит на себе слишком субъективный характер...», а также потому, что «...изучение Кудатку Билика в качестве единственного обширного памятника давно уже исчезнувшего древнейшего тюркского диалекта дает ключ к истории развития тюркских диалектов вообще...»²⁴, В. В. Радлов с помощью Академии наук приступает к новому изданию «Кутадгу билиг»²⁵, работа над которым продолжалась более четверти века.

План издания таков: по возможности точное воспроизведение текста, т. е. факсимиле, транскрипция уйгурского текста уйгурскими буквами, перевод текста с примечаниями, словарь-индекс к памятнику.

В 1884 г. Радлов командирован в Вену для снятия копии с рукописи²⁶, и в 1890 г. выходит факсимильное издание: «воспроизведенный текст по величине вполне соответствует оригиналу и отличается удивительной четкостью. Кроме того, в снимке удалены пятна на бумаге, причем, однако, самый

²³ Там же, стр. 32. Ср. оценку этого издания М. Хартманом: M. Hartmann, Die metrische Form des Qudatqu Bilik, — «Orientalistische Litteratur-Zeitung», Berlin, 1902, № 8/9, стр. 349.

²⁴ В. В. Радлов, Кудатку-Билик. Факсимиле уйгурской рукописи, СПб., 1890, стр. I.

²⁵ См.: ЗАН, 1884, т. 49, стр. 54.

²⁶ См.: ЗАН, 1885, т. 50, стр. 24—25; 123.

текст остался нетронутым»²⁷. Здесь же Радловым дается подробнейшее описание Каирского списка рукописи.

Нужно заметить, что В. В. Радлов как бы следовал изданию Г. Вамбери. Чтобы показать место рукописи среди других уйгурописьменных памятников, он привел также факсимиле отрывков из «Огуз-наме», «Тезкере-и-Эвлия», «Мирадж-наме», «Бахтияр-наме», двух ханских ярлыков и уйгуро-китайского послания.

В предисловии к транскрипции памятника В. В. Радлов поместил известное свое сочинение «К вопросу об уйгурах», написание которого преследовало цель ответить на вопрос: можно ли «Кутадгу билиг» отнести к памятникам уйгурского языка, так как в рукописи название «уйгур» не встречается²⁸. На основании тюркских, персидских, арабских и монгольских источников Радлов анализирует термин «уйгур», излагает сведения по истории уйгуров. Богатство материала, глубина анализа источников, исторические выводы В. В. Радлова не идут ни в какое сравнение с материалом, изложенным Вамбери.

Для транскрипции-транслитерации В. В. Радлов использовал маньчжурский алфавит с добавлением некоторых знаков, чтобы облегчить чтение и расшифровку рукописи. В предисловии приведены также сведения об уйгурском письме и об обозначении отдельных звуков в нем.

Эта транскрипция В. В. Радлова явилась в известной мере критическим изданием текста, поскольку он старался исправить ошибки переписчика, а также устранить инновации, внесенные, по мнению Радлова, переписчиком под влиянием его родного диалекта. Для проверки все особенности оригинала издатель помещал в подстрочных примечаниях.

В 1897 г. начинается печататься радловская транскрипция и перевод «Кутадгу билиг» на немецкий язык. Однако в этом году становится известно о второй рукописи этого памятника. В. В. Радлов приостанавливает печатание (к этому времени было напечатано 64 страницы) и предпринимает шаги к изучению нового списка.

В марте 1897 г. немецкий арабист проф. Эдуард Захау (E. Sachau) пересылает В. В. Радлову копию части предисловия из рукописи, которую обнаружил в Каире директор правительственной библиотеки арабист проф. Бернгард Мо-

²⁷ В. В. Радлов, Кудатку-Билик, стр. I.

²⁸ W. Radloff, Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bâlasagun, T. I. Der Text in Transcription, St.-Pbg., 1891; перевод: В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах. (Из предисловия к изданию Кудатку-Билика), СПб., 1893 (приложение к ЗАН, т. LXXII, № 2).

риц²⁹. Радлов сразу откликнулся и через посредство Э. Захау немедленно установил связь с Б. Морицем. И уже 30 марта 1897 г. Б. Мориц сообщал из Каира русскому ученому, что по правилам Каирской библиотеки рукопись «Кутадгу билиг» в С.-Петербург отправить нельзя, и предложил для экономии времени, избегая дипломатических каналов, изготовить копию с рукописи, причем он брал на себя труд выверить ее по оригиналу³⁰. Он сообщал также краткие сведения о рукописи и обещал выслать несколько фотографий с нее³¹. Однако поиски переписчика затянулись, так как Мориц не мог найти тюрка-переписчика, который взялся бы за это дело. Только в июле 1897 г. ему удалось найти араба, который, не зная по-тюркски, копировал рукопись букву за буквой³². В августе Морицу стала по частям поступать копия текста, и он начал ее сверку с оригиналом. Как он указывал, работа оказалась трудоемкой и шла медленно, ибо сам Мориц, не владея тюркскими языками, тоже делал только механическую сверку, которой мог к тому же уделять лишь свободные от работы часы³³. Рукопись начала поступать В. В. Радлову в конце 1897 г., ее последние тетради были получены уже в середине 1898 г.³⁴. Поскольку в Каире страницы оригинала были перепутаны, Радлову пришлось их подбирать уже в Петербурге, после чего рукопись была переплетена в новый переплет и хранится поныне в рукописном фонде ЛО ИВАН под шифром Д-12 (а 281).

Эта копия того же формата, что и оригинал, имеет одинаковое с ним расположение страниц и строк, а также применение красной и черной туши. Однако Б. Мориц писал В. В. Радлову, что «писец, несмотря на все старания, допускал ошибки»³⁵, что эта копия и сверка точны настолько, насколько они возможны при незнании текста³⁶. Результаты этой работы Морица видны на полях рукописи³⁷. Как из-

²⁹ См. письмо Э. Захау от 14.III.1897 г.,— ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 2, № 110, л. 22.

³⁰ См. письмо Б. Морица от 30.III.1897 г.,— ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 2, № 183, л. 3.

³¹ Там же, л. 4.

³² Там же, л. 7—8.

³³ Там же, л. 1, 9, 11, 13.

³⁴ W. Radloff, Über eine in Kairo aufgefundenene zweite Handschrift des Kudatku Bilik,— ИАН, сер. VII, т. IX, № 4, 1898, стр. 307—319.

³⁵ См. письмо Морица от 25.XI.1897 г.,— ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 2, № 183, л. 13; ср. также письмо от 16.1.1898 г.,— там же, л. 1.

³⁶ См. письмо от 4.VIII.1897 г.,— там же, л. 9.

³⁷ В связи с этим нельзя не заметить, что даже при наличии теперь и факсимильного воспроизведения Каирской рукописи не следует при работе над критическим текстом «Кутадгу билиг» игнорировать эту копию, поскольку она содержит много полезной информации об оригинале рукописи.

вестно, Б. Мориц обнаружил каирский список «Кутадгу билиг» в виде пачек или отдельных листов в огромной куче рукописных фрагментов, сваленных в углу, конец рукописи так и не был найден.

В. В. Радлов начал сразу же работать над этим списком и убедился, как важна рукопись для толкования текста поэмы. Он писал: «...позволю себе заметить, что мое издание Кудатку Билик (т. е. транслитерация маньчжурскими буквами.— Д. Н.) есть только первая попытка часто испорченный текст этой книги сделать в какой-то мере читаемым. Имеющиеся у меня две рукописи доказывают, что хотя у меня и много правильного, все же в моем тексте есть бесполезные улучшения и многое следует теперь давать по-другому»³⁸.

В 1900 г. появился первый выпуск его транскрипции и перевода «Кутадгу билиг». Здесь, начиная с 65 страницы, издатель пытается в транскрипции представить реконструируемый текст поэмы, вынося все разночтения по двум рукописям в примечания, а текст Каирской рукописи, соответствующий отпечатанным 64 страницам, был помещен в начале выпуска³⁹. Таким образом, читатель имел возможность сопоставлять рукописи с самого начала.

Издание затянулось до 1910 г.⁴⁰, так как в это время после дешифровки орхоно-енисейских памятников и открытия древнейуйгурских памятников в Восточном Туркестане В. В. Радлов отвлекся на их издание⁴¹. Во втором выпуске содержится «Послесловие к Кудатку Билик», где В. В. Радлов изложил свои взгляды на язык этого памятника, сложившиеся в результате последних его разысканий в области тюркских памятников⁴².

Издание и перевод такого обширного памятника были не только крупным достижением в творческой биографии ученого, но и являлись шагом вперед для всей отечественной тюркологии. Это особенно видно из сравнения с предшествующим изданием «Кутадгу билиг» Г. Вамбери. Работа с уйгурской

³⁸ См.: W. Radloff, Zum Kudatku Bilik,—ZDMG, Bd LII, H. 1, 1898, стр. 152.

³⁹ W. Radloff, Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun, T. II. Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo, St.-Pbg., 1900.

⁴⁰ W. Radloff, Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun, T. II, 2. Lfg., St.-Pbg., 1910. Отрывок из Каирской рукописи В. В. Радлов опубликовал еще и в качестве образца тюркской литературы (характеристика всей поэмы, отрывок о встрече Огдильмиша и Одгурмыша арабскими буквами и немецкий перевод), см.: J. Vaensch-Drugulin, Marksteine aus der Weltliteratur in Originalschriften..., Leipzig, 1902, стр. 94—108.

⁴¹ W. Radloff, Das Kudatku Bilik, T. II, 2. Lfg., стр. 549.

⁴² Там же, стр. 549—560.

рукописью «Кутадгу билиг» несомненно помогла В. В. Радлову в дальнейших его занятиях с памятниками из Восточного Туркестана. Несмотря на то что за длительное время, в течение которого издавалась поэма, взгляды В. В. Радлова на язык и диалектную принадлежность этого памятника в известной мере менялись, следует отметить, что основная его мысль о характере языка, близкого по своим фонетическим особенностям к восточнотюркским диалектам, не только сохранялась, но и проявлялась в концепции ученого относительно древних языков Восточного Туркестана. Это явственно видно в радловской классификации древнетюркских диалектов и в транскрипции издаваемых им древнеуйгурских текстов.

Из замыслов В. В. Радлова осталось неосуществленным написание очерка грамматического строя уйгурского языка и составление словаря-индекса к «Кутадгу билиг».

В течение полувека радловское издание «Кутадгу билиг» оставалось наиболее полной и квалифицированной публикацией памятника, и тюркологи в своей практической работе пользовались исключительно им⁴³.

Исследование различных письменных памятников тюркских языков, многолетние занятия поэмой «Кутадгу билиг», а также обширные и глубокие познания в живых тюркских языках позволили именно В. В. Радлову стать во главе исследователей вновь открытых древнетюркских памятников. «В. В. Радлов никогда не боялся вступить первым в неизведанную страну, не боялся ошибок, памятуя о старинном речении „ошибками учимся“»⁴⁴. Так было и на этот раз. И характерно, что именно В. В. Радлов предложил науке первое чтение и первый перевод памятника в честь Кюль-Тегина⁴⁵,

⁴³ О последующих исследованиях и публикациях «Кутадгу билиг» см.: قوتادغو بىلىك، — مەعارف ۋە ئوۋتغۇشى، Ташкент, 1925, № 2, стр. 68—74 (немецкий перевод статьи см.: UJ, 1926, Bd VI, H. 1/2, стр. 154—158); R. R. Agat, Kutadgu bilig, — IA, II, 2, 1950, стр. 1038—1047 (здесь же важнейшая аннотированная библиография, стр. 1045—1047); его же, Kutadgu Bilig. Tipkibasım, I. Vjána püshası, İstanbul, 1942; его же, Kutadgu bilig. I. Metin, İstanbul, 1947, стр. V—XLII; его же, Kutadgu Bilig. II, Tercüme, Ankara, 1959, стр. VII—X; С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования, М.—Л., 1951, стр. 97—99, 224, 299—304; А. А. Валитова, Юсуф Баласагунский и его Кутадгу-Билик. Автореф. канд. дисс., М., 1951, стр. 5—7 и др.

⁴⁴ С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов (Некролог), — ИРАН, сер. VI, 1918, т. XII, № 12, стр. 1235.

⁴⁵ П. М. Мелиоранский в одном из писем к В. В. Бартольду так писал об этом событии: «Радлов засел и в один месяц (!) напечатал в транскрипции и в переводе 3 больших и 2 маленьких надписи... в количе-

а также первое издание древнеуйгурских памятников из Восточного Туркестана.

Первыми им были изданы в сентябре 1899 г. четыре письменных памятника, написанных на древнеуйгурском алфавите⁴⁶. Они были среди других привезены в Петербург осенью 1898 г. экспедицией Д. А. Клеменца. Два из них являются юридическими документами, скрепляющими торговые сделки (обмен рабыни на материю и продажа сына). Это была первая публикация, положившая начало плодотворному научному освоению многочисленных уйгурских юридических и хозяйственных документов, имеющих огромное значение для изучения не только языка древних уйгуров, но и истории их государства⁴⁷. Кроме двух юридических документов здесь же были изданы два религиозных фрагмента, причем один из них — фрагмент из буддийской сутры «Сәкіз јүкмәк». Текстам предпосланы сведения о их содержании, говорится о важности их для науки, а также дается краткое их описание: характеристика бумаги, сохранность, размеры, расположение строк, тип письма и т. п. Далее следует текст, набранный маньчжурскими буквами, — точная копия орфографии оригинала. После наборного текста В. В. Радлов дал транскрипцию и перевод, снабженный лексико-грамматическими примечаниями.

В этой работе В. В. Радлов также издал четыре образца настенных надписей, выполненных на орхоно-енисейском алфавите. В одной из них ученый прочитал имя Шакья-Муни, на основании чего он сделал вывод о том, что турфанские тюрки-буддисты знали и применяли орхоно-енисейский алфавит⁴⁸.

Уже в данной работе В. В. Радлов указывал, что он «передает уйгурские слова по звуковой системе современных восточных диалектов», хотя он и отмечал различие между разговорным языком юридических документов и литературным языком религиозных фрагментов, считая последние более древними по языку, чем первые⁴⁹. Язык всех этих текстов он

стве 50 экз. и разослал по России и по Европе» (Письмо от 26.II.1894 г., — ЛО Архива АН СССР, ф. 68, оп. 2, № 153, л. 7).

⁴⁶ W. Radloff, *Altuigurische Sprachproben aus Turfan*, — в кн.: «Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan», Н. 1, St.-Pbg., 1899, стр. 55—83.

⁴⁷ Д. И. Тихонов, *Древние уйгурские документы — важнейшие источники для изучения общественного строя Центральной Азии*, — в кн.: «Историкография и источниковедение истории стран Азии», вып. 1, Л., 1965, стр. 31—43.

⁴⁸ W. Radloff, *Altuigurische Sprachproben*, стр. 82.

⁴⁹ Там же, стр. 63, 79.

относил к древним восточнотюркским диалектам и называл тогда «уйгурским диалектом», который можно рассматривать как предварительную ступень к языку «Кутадгу билиг». Эти мысли были в дальнейшем развиты и углублены В. В. Радловым в последующих работах по древнетюркским языкам.

Издание уйгурских материалов экспедиции Д. А. Клеменца выдвинуло В. В. Радлова в число видных исследователей памятников древнеуйгурского языка. Поэтому ему была доверена первая публикация текстов, привезенных А. Грюнведелем из археологической экспедиции 1902—1903 гг. в окрестности Идикут-Шари (Восточный Туркестан)⁵⁰. В. В. Радлову было передано 46 текстов, однако из-за плохого качества фотографий ему удалось подготовить для печати в отчете экспедиции лишь 23 текста⁵¹. Здесь дается только транскрипция и перевод, которым предпосланы пояснения А. Грюнведеля о месте находок или приобретения текстов и самая общая их палеографическая характеристика. В то время среди тюркологов уже шел спор о фонетике языка «Кутадгу билиг», вызванный докладом В. Томсена о системе консонантов⁵². Поэтому примечательно замечание В. В. Радлова о транскрипции текстов: «Чтобы избежать спора о произношении взрывных и щелевых звуков, я транскрибирую уйгурские буквы соответствующими глухими (разрядка наша.— Д. Н.) согласными латинского алфавита»⁵³.

Получив новые фотокопии, В. В. Радлов продолжил работу и тогда же подготовил и начал печатать все 46 текстов, однако их выход в свет после смерти В. В. Радлова в 1918 г. задержался до 1928 г., когда появилась книга «Памятники уйгурского языка», изданная С. Е. Маловым⁵⁴. Тексты в этой книге воспроизведены в наборе уйгурскими буквами, даны транскрипция, перевод и небольшие комментарии. Транскрипция отражает раннюю точку зрения В. В. Радлова на фонетику древнеуйгурского языка.

⁵⁰ Следует отметить, что успеху этой экспедиции способствовала помощь Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, см.: ИРКИСВА, 1903, № 1, стр. 3; А. Грюнведель, Отчет об археологическом исследовании Турфана и его окрестностей,— там же, 1904, № 3, стр. 17—24.

⁵¹ W. Radloff, Uigurische Schriftstücke in Text und Übersetzung,— в кн.: A. Grünwedel, Bericht über archäologische Arbeiten in Idikut-schari und Umgebung im Winter 1902—1903, München, 1906 (ABAW, Kl. I, Bd XXIV, Abt 1).

⁵² См.: V. Thomsen, Sur le système des consonnes dans la langue ouigoure,— KSm, 1901, t. II, № 4.

⁵³ W. Radloff, Uigurische Schriftstücke, стр. 182.

⁵⁴ W. Radloff, Uigurische Sprachdenkmäler. Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov herausgegeben, Leningrad, 1928.

В эту работу В. В. Радлова включены также уйгурские тексты, доставленные в Азиатский музей русскими исследователями Восточного Туркестана, и, кроме этого, некоторые тексты берлинской коллекции, фотографии которых имел в своем распоряжении В. В. Радлов. С. Е. Малов при подготовке к изданию этой книги внес исправления в чтение и перевод отдельных мест, дал свое чтение текстов из Азиатского музея, для которых В. В. Радловым были сделаны только переводы, и составил словарь.

Книга «Памятники уйгурского языка» до сих пор не потеряла своей ценности как источник материалов по древнеуйгурскому языку и как наиболее полное собрание юридических документов уйгуров. Следует, правда, отметить, что почти все тексты в этой книге были подготовлены В. В. Радловым еще в начальный период его занятий древнеуйгурским языком и поэтому в его чтении и переводах встречаются неточности. Сам В. В. Радлов исправлял их в ходе дальнейшей работы⁵⁵; многие исправления внес и С. Е. Малов при издании книги⁵⁶. Однако работу над этими текстами, особенно над юридическими и хозяйственными документами, нельзя считать оконченной. Было бы желательно осуществить новое издание таких документов с учетом всех достижений современного уйгуроведения, пополнив его другими ценными материалами из наших коллекций⁵⁷.

Обильный приток новых текстов из Восточного Туркестана заставлял В. В. Радлова быстро их обрабатывать и публиковать, ибо ученый всегда стремился как можно быстрее сделать ценнейший языковой материал достоянием мировой науки.

В августе 1909 г. из печати выходит в издании В. В. Радлова крупнейший из сохранившихся текст манихейского содержания — «Покаянная молитва манихейцев» (X^uastvanift)⁵⁸. Петербургский список выполнен уйгурским письмом и содержит 160 строк этого памятника (из 338 ныне известных науке). Значение X^uastvanift В. В. Радлов видел в его содержании, дающем своеобразный катехизис вероучения манихеев⁵⁹, и в особенностях языка, близкого к языку орхоненсских текстов. Хотя этот список, как и два других спи-

⁵⁵ W. Radloff, Uigurische Sprachdenkmäler, стр. 73—75.

⁵⁶ Там же, стр. 217—259.

⁵⁷ Ср.: R. R. Arat, Eski türk hukuk vesikalari,— JSFOu, 1964, 65, стр. 11—77.

⁵⁸ Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer, hrsg. u. übers. von W. Radloff, St.-Pbg., 1909.

⁵⁹ Ср.: J. P. Asmussen, X^uästvanift. Studies in Manichaeism, Copenhagen, 1965; P. Zieme, Beiträge zur Erforschung des X^uästvanift,— MIOF, 1966, V. XII, H. 4, стр. 351—378.

ска манихейским письмом, был доставлен из Восточного Туркестана, В. В. Радлов полагал, что перевод текста на тюркский язык сделан на западе и отражает язык западных тюрок (возможно, тюргешей), отличающийся от уйгурского языка других памятников.

Издание *Х"astvanift* было встречено русскими тюркологами весьма положительно. Так, в частности, оценивал его в своей рецензии А. Н. Самойлович, хотя и указывал на неприемлемость употребляемых В. В. Радловым терминов для обозначения разновидностей уйгурского и манихейского письма⁶⁰. Однако Ф. В. К. Мюллер и А. Лекок выступили с резкой и не всегда справедливой критикой на это издание, позже к ним присоединился и В. Банг⁶¹. Особенно много возражений вызвал у них перевод В. В. Радлова, хотя тот и указывал, что свой перевод он рассматривает «как предварительный, поскольку с манихейской литературой знаком только в общем»⁶².

Следует отметить, что серьезную критику со стороны зарубежных коллег вызвал не только этот перевод В. В. Радлова. Ученого критиковали и за ранее изданные переводы других памятников, например «*Codex Cumanicus*». Особенно с резкой критикой последнего выступал В. Банг⁶³, обвинявший В. В. Радлова не только в небрежности, но даже и в некомпетентности в переводе подобных памятников. Как указывали современники, В. В. Радлов вообще очень терпимо относился к критике, сам сознавая, что его работы не свободны от недостатков, которые, кстати сказать, он всегда стремился устранить в последующих своих изданиях. С. Ф. Ольденбург так писал об этой черте характера ученого: «У В. В. была черта, свойственная вообще большим людям: он не боялся критики и не обижался никогда на нее, ему можно всегда прямо в лицо сказать все, что думаешь, как бы рез-

⁶⁰ А. Н. Самойлович, [рец. на:] «*Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer*», hrsg. u. übers. von W. Radloff...; «*Tiṣastvustik. Ein in türk Sprache bearbeit. Buddhist. Sūtra*». Transscr. u. Übersetz. von W. Radloff.—ЖС, 1910, вып. 1—2, отд. 3, стр. 167—171.

⁶¹ См.: F. W. K. Müller, *Uigurica*. II.—APAW, 1900, Abh. III; A. v. Le Coq, Ein christliches und ein manichäisches Manuscriptfragment in türkischer Sprache aus Turfan.—SPAW, 1909, XXXIII, стр. 1202—1218; его же, Dr. Stein's Turkish Khuastuanift from Tun-huang, being a Confession-prayer of the Manichæan Auditores.—JRS, 1911, april, стр. 276—314; W. Bang, Manichæische Laien-Beichtspiegel.—«Le Muséon», 1923, t. XXXVI, стр. 137—242.

⁶² W. Radloff, *Chuastuanit*, стр. V; его же, Nachträge zum *Chuastuanit* (*Chuastuanvt*), dem *Bussgebete* der *Manichäer* (Hörer).—ИАН, сер. VI, 1911, т. V, № 12, стр. 867—896.

⁶³ См.: W. Bang, Beiträge zur Kritik des *Codex Cumanicus*.—BAB, 1911, стр. 13—40; его же, *Komanische Texte*.—там же, стр. 459—473.

ки и отрицательны ни были в ту минуту мысли и слова. Он спорил, но никогда не чувствовал и не помнил обиды»⁶⁴. Однако резкие слова В. Банга, видимо, задели В. В. Радлова, и он в письме А. Н. Самойловичу от 1(14).VII.1910 г. писал: «В. Банг в трех журналах напал на меня и просто ругается. Хочется не отвечать ему. Если хотите, вышлю Вам эти журналы»⁶⁵. Очевидно, тогда и подготовил А. Н. Самойлович «Записку в защиту В. В. Радлова против выступлений В. Банга»⁶⁶. В ней он, как и К. Г. Залеман, также откликнувшийся на эти статьи В. Банга⁶⁷, ругает за ведение достойной научной полемики на высоком научном и этическом уровне. «Никто,— писал А. Н. Самойлович,— не может считать себя свободным от проявления человеческой слабости в виде недостаточности сдержанного и беспристрастного отношения к недостаткам и ошибкам других, хотя каждый должен всемерно стремиться сохранять и поддерживать добрые, доверчивые отношения в семье ученых работников... Как я уже заметил, недостатков в многочисленных и капитальных трудах акад. Радлова не мало. Прибавлю, что отыскать их и обнародовать — дело почетное, самоотверженное и несомненно полезное. Понятно, что если человек посвящает себя этому делу, он должен исполнить его по возможности настолько аккуратно и исчерпывающе, чтобы потом не пришлось это дело еще доделывать... Сколько бы промахов, прекрасно, впрочем, понятных каждому тюркологу и в том числе и самому Радлову, ни отыщется в его трудах... Радлов останется творцом новой, блестящей радловской эпохи в тюркологии»⁶⁸. С этими словами А. Н. Самойловича перекликаются справедливые слова другого крупнейшего русского востоковеда, В. В. Бартольда, которые полезно привести полностью, ибо они относятся ко всей научной деятельности В. В. Радлова: «Только в последние годы жизни Радлову пришлось испытать на себе отрицательные стороны долголетия. Условия, при которых создавались его труды, стали забываться; среди народившегося, в значительной степени благодаря этим трудам, нового поколения ученых неизбежные недостатки работ пионера науки обращали на себя больше внимания, чем их достоинства. Вместо прежнего, почти единодушного одобрения его труды стали подвергаться критике, далеко не всегда справед-

⁶⁴ С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов (Некролог), стр. 1236.

⁶⁵ ЛО Архива АН СССР, ф. 782, оп. 2, № 37.

⁶⁶ Рукописный фонд ГПБ, ф. 671 (А. Н. Самойлович), № 152.

⁶⁷ C. Salemann, Zur Kritik des Codex Comanicus. I. Türkisches. II. Persisches.—ИАН, сер. VI, 1910, т. IV, № 12, стр. 950; см. также: А. Е. Кримський, Тюрки, їх мови та літератури. I. Тюркські мови, вып. II, Київ, 1930, стр. 161—165.

⁶⁸ А. Н. Самойлович, Записка в защиту В. В. Радлова, л. 1—4.

ливой: предметом резких нападков были не только вновь выходявшие работы Радлова, но даже труды, выпущенные в свет полвека тому назад, при совершенно ином состоянии науки и уровне ее требований»⁶⁹.

Что же касается существа радловских переводов древнеуйгурских текстов, то следует также помнить, что их выполнял тюрколог-лингвист и рассчитаны они были прежде всего на тюркологов⁷⁰, интересы которых сосредоточивались исключительно на языке. Грамматический строй тюркских языков, их морфология, формы слов, их фонетический облик, которые можно почерпнуть из текстов,— вот что интересовало В. В. Радлова в первую очередь. Издание текстов и лексикографическая работа были лишь составной частью его стремлений, и не в них видел ученый главное в своей научной деятельности. И с этой точки зрения радловские переводы, если исключить явные ошибки ученого в передаче религиозных терминов и выражений, не только вполне стояли на уровне своего времени, но и были известным вкладом в развитие тюркологии, в дело изучения древнеуйгурских памятников. В. В. Радлов, собственно, и не ставил перед собой задачу толкования текста как определенного религиозного памятника, ему важно было представить новый тюркский материал, снабдив его первым переводом. А известно, как «трудны, очень трудны пути первых исследователей, и давать вторые уже переводы каких-либо текстов, пользуясь переводами, как бы ни были они несовершенны,— этих самых пионеров, разумеется, является делом значительно более легким»⁷¹. Думается, что эти слова С. Е. Малова с полным основанием можно отнести и ко всей издательской деятельности В. В. Радлова.

В январе 1910 г. В. В. Радлов издает перевод на древнеуйгурский язык буддийской сутры, именуемой «Дишаствустик-сутра»⁷². В тексте этой сутры некоторые слова снабжены глоссами на письмо брахми, что представляет большой интерес как для тюркологов, так и для санскритологов. В издании В. В. Радлов дал транскрипцию, перевод и лексикограмматические примечания к переводу, а глоссы на брахми детально исследовал санскритолог А. Сталь-Гольштейн.

⁶⁹ В. В. Бартольд, Памяти В. В. Радлова. 1837—1918,— ИРГО, 1918, т. LIV, вып. 1, стр. 188.

⁷⁰ См.: А. Н. Самойлович, Радлов как тюрколог,— «Новый Восток», М., 1922, кн. 2, стр. 707; С. Е. Малов, Памятники, стр. 100.

⁷¹ С. Е. Малов, [рец. на:] A. v. Le Coq, Handschriftliche uigurische Urkunden aus Turfan (—Türán, 1918, I),—ЗКВ, 1925, I, стр. 555.

⁷² *Tiśastvustik. Ein in türkischer Sprache bearbeitetes Buddhistisches Sūtra. I. Transskription und Übersetzung von W. Radloff. II. Bemerkungen zu den Brāhmiglossen des Tiśastvustik-Manuscripts von Baron A. von Staël-Holstein, St.-Pbg., 1910 (BB, XII).*

В феврале 1911 г. выходит из печати «Куан-ши-им пусар» — уйгурский перевод главы о бодисатве Avalokiteśvara из буддийской сутры «Лотос истинного закона»⁷³. Начиная с этого издания, В. В. Радлов отказывается от транскрипции текста, дает его только в наборном воспроизведении, сопровождая переводом с комментариями. Кроме текста «Куан-ши-им пусар» он издает еще четыре буддийских фрагмента из фондов Азиатского музея. В этой работе В. В. Радлов, используя опыт Ф. В. К. Мюллера по строфическому делению древнеуйгурского текста⁷⁴, предпринял попытку разбить на строфы с определенным количеством слогов некоторые места уйгурского перевода «Куан-ши-им пусар»⁷⁵. Хотя эта версификация была сделана, может быть, не совсем квалифицированно, что и вызвало резкое замечание В. Банга⁷⁶, тем не менее ее следует отметить в числе первых попыток в этой области изучения уйгурских текстов, сославшись на последние достижения в исследовании поэтических средств памятников языка⁷⁷.

Венцом издательской деятельности В. В. Радлова явилась осуществленная им совместно с С. Е. Маловым публикация крупнейшего древнеуйгурского памятника — сутры «Золотой блеск» (Suvarṇarabhāsa)⁷⁸. Издание текста продолжалось с ноября 1913 г. по июнь 1917 г., причем в это же время В. В. Радлов выполнил немецкий перевод всего памятника, произвел роспись и словарную обработку его лексики, включив ее в уйгуро-немецкий словарь. Текст печатался со сделанной лично В. В. Радловым копии рукописи, при корректуре издатели еще раз сверили набор с оригиналом, внося исправления, в результате чего все издание стало идентично рукописи⁷⁹. Радловское издание «Золотого блеска» до сего времени остается самым полным и точным изданием памятника. Радловский перевод был частично опубличован лишь в 1930 г. под наблюдением С. Е. Малова⁸⁰. В архиве В. В. Рад-

⁷³ Kuan-ši-im Pusar. Eine türkische Übersetzung des XXV. Kapitels der chinesischen Ausgabe des Saddharmapundarika. Herausgegeben und übersetzt von W. Radloff, St.-Pbg., 1911 (BB, XIV).

⁷⁴ F. W. K. Müller, Uigurica. I.—APAW, 1908, Abh. II, стр. 20—24.

⁷⁵ Kuan-ši-im Pusar, стр. 59—61.

⁷⁶ W. Bang, Komanische Texte.—BAB, 1911, стр. 459—461.

⁷⁷ R. R. Arat, Eski türk şiiri, Ankara, 1965 (ТТКУ, VII. ser., № 45).

⁷⁸ Suvarṇarabhāsa. (Сутра Золотого блеска). Текст уйгурской редакции издали В. В. Радлов и С. Е. Малов, СПб.—Пг., 1913—1917 (BB, XVII).

⁷⁹ Suvarṇarabhāsa, стр. 708; а также корректурные листы и списки слов в ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 1, № 7 (1—3), № 13.

⁸⁰ Suvarṇarabhāsa (Das Goldglanz-Sūtra). Aus dem Uigurischen ins Deutsche übersetzt von Dr. W. Radloff. Nach dem Tode des Übersetzers mit Einleitung von S. Malov herausgegeben, Л., 1930 (BB, XXVII, вып. 1—3).

лова хранится остальная часть перевода, которая осталась в рукописи,— три тетради в коленкорových переплетах, заполненные убористым почерком ученого⁸¹.

«Радлов сам сознавал, что цепь капитальных его трудов замкнулась, когда завершилось издание уйгурского текста сутры „Золотого блеска“ и когда были закончены в рукописях перевод этой сутры и обширный уйгуро-немецкий словарь»⁸².

В. В. Радлов работал еще над одной довольно значительной по объему буддийской сутрой, которую он называл «Восемь светов» или «Der acht Erd- und Himmels-Sammlungs-Lichter»⁸³. Она была полностью подготовлена к печати — составлен сводный текст, перевод с комментариями, но по каким-то причинам публикация не состоялась. В основу сводного текста положен список из Японии, фотокопии которого, видимо, передал В. В. Радлову японский ученый Т. Ханеда, приезжавший в те годы в Петербург⁸⁴. В сводном тексте использованы и материалы из коллекций Азиатского музея. Часть из них была уже опубликована ранее В. В. Радловым в других изданиях⁸⁵.

Как справедливо отметил С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов был «фанатиком научной работы и работы вообще, он был исключительным по работоспособности и производительности ученым»⁸⁶. До последних дней своей жизни В. В. Радлов не прекращал работу над расшифровкой и подготовкой к изданию новых древнеуйгурских памятников. Смерть застала его, когда он занимался подготовкой к публикации большой записи хозяйственных дел — свитка из 220 строк, где имеются записи уйгура в течение почти 20 лет. В. В. Радлов успел сделать транскрипцию этого текста и приступил к его переводу на немецкий язык⁸⁷.

В. В. Радлов своими публикациями древнеуйгурских памятников ввел в науку богатейший и обширнейший языковой материал. Он всегда считал, что одной из важнейших задач

⁸¹ ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 1, № 11/1—6.

⁸² А. Н. Самойлович, Радлов как турколог, стр. 707.

⁸³ ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 1, № 1—3.

⁸⁴ Там же, ф. 177, оп. 1, № 4, л. 1; ф. 782, оп. 2, № 37а.

⁸⁵ См.: W. Bang, A. v. Gabain, G. R. Rachmati, Türkische Turfantexte. VI. Das buddhistische Sūtra Säkiz yükmäk.— SPAW. 1934, VIII—X.

⁸⁶ С. [Ф.] Ольденбург, Памяти В. В. Радлова,— газ. «Новый день», 1918, № 40 (14.V.1918), стр. 2.

⁸⁷ См.: ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 1, № 21; Э. Р. Тенишев, Хозяйственные записи на древнеуйгурском языке,— в кн.: «Исследования по грамматике и лексике тюркских языков», Ташкент, 1965, стр. 37—77; Д. И. Тихонов, Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв., М.—Л., 1966, стр. 241—251.

исследователя древнего текста является задача ознакомления с ним научной общественности, чтобы объединить усилия ученых для его исследования, так как «части общего находятся часто в разных местах»⁸⁸ и только совместными усилиями «можно внести ясность в новонайденное»⁸⁹. Им изданы все самые крупные тексты, хранящиеся в рукописном отделе Азиатского музея (ныне в Центральноазиатском фонде рукописного отдела Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР). К сожалению, публикация древнеуйгурских материалов из этого фонда сейчас почти прекратилась, и многие интересные тексты остаются пока неизвестными науке. Продолжение их публикации — одна из насущных задач советской тюркологии.

Следуя указанному принципу, В. В. Радлов живо откликнулся на публикации текстов его коллегами. Он давал новую транскрипцию, улучшал перевод, толковал различные слова или отдельные словоформы и т. п. Уже в статье «Доисламские письма тюрков и отношение их к тюркскому языку» (1908 г.) В. В. Радлов разбирает издания текстов из Восточного Туркестана, осуществленные Ф. В. К. Мюллером и А. Леккоком⁹⁰. И почти во всех последующих своих работах В. В. Радлов так или иначе рассматривает появившиеся публикации. Об этой стороне деятельности ученого очень хорошо написал С. Е. Малов в своей книге «Памятники древнетюркской письменности»⁹¹. Все новые материалы В. В. Радлов использовал в своей работе. При составлении своего большого уйгуро-немецкого словаря, в основу которого легла лексика сутры «Золотой блеск», он включал в него и лексику текстов, изданных немецкими учеными в различных статьях и в первых выпусках «Уйгурики» Ф. В. К. Мюллера и «Манихеики» А. Леккока⁹², а также и «Истории о царевичах», опубликованной П. Пельо⁹³.

Этот радловский уйгуро-немецкий словарь был крупней-

⁸⁸ W. Radloff, Chuastuanit, стр. 51.

⁸⁹ W. Radloff, Kuan-ši-im Puser, стр. VIII; его же, *Alttürkische Studien*. VI, — ИАН, сер. VI, 1912, т. VI, № 12, стр. 747; см. также: В. В. Бартольд, Памяти В. В. Радлова. 1837—1918, стр. 189.

⁹⁰ W. Radloff, Die vorislamitischen Schriftarten der Türken und ihr Verhältniss zu der Sprache derselben, — ИАН, сер. VI, 1908, т. II, № 10, стр. 848—856.

⁹¹ С. Е. Малов, Памятники, стр. 100—101.

⁹² W. Radloff, *Alttürkische Studien*. II, — ИАН, сер. VI, 1910, т. IV, № 3, стр. 217.

⁹³ См.: рукопись уйгуро-немецкого словаря в ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 1, №№ 81, 82, 90, а также чистые листы 96 стр. этого словаря (Библиотека ЛО ИЯ АН СССР); В. В. Радлов, Уйгурские фрагменты, открытые в Восточном Туркестане, — ЗВОРАО, 1910, т. XIX, вып. 4, стр. XIX—XX.

шим сводом лексики известных к тому времени древнейуигурских памятников. В словарной статье давалось написание слова в уйгурской графике, затем его радловская транскрипция с отражением некоторых особенностей оригинального написания, далее шла под арабскими цифрами разработка значений, которые подкреплялись несколькими цитатами с переводом из одного или нескольких памятников. При толковании значений В. В. Радлов обычно давал для уточнения несколько переводов-синонимов, например: *алқан* (v) [von *алка* + н] *Segenssprüche, Gebete sprechen...*; *алк'ын, алкын* (v) = *алкын* zum eigenen Nutzen, für sich vernichten... Для слов заимствованных он приводил указание на язык — источник заимствования, а для санскритизмов давал санскритский оригинал, например: *најут* *Nayuta* (eine grosse Zahl, zehntausend). Фразеологический материал в словарной статье специально не выделялся, однако многие устойчивые словосочетания встречались в иллюстративном материале словаря. Слова, начинающиеся с гласных, были вынесены в начало словаря. Внутри каждой буквы словарные статьи были расположены в обычном порядке русского алфавита. Омонимы и совпадающие именные и глагольные основы разрабатывались в разных словарных статьях. При производных основах указывалась производящая основа и выделялся аффикс, что позволяло устанавливать связи слов между собой. В некоторых случаях для сравнения приводились слова из орхоно-енисейских памятников или ссылка на соответствующее слово в современных тюркских языках по «Опыту словаря тюркских наречий». Таким образом, слово получало в уйгуро-немецком словаре В. В. Радлова достаточно полную и глубокую лексикографическую разработку. Этот словарь стоял на уровне достижений лексикографии того времени, продолжая также традиции русской тюркской лексикографии, высшим достижением которой был радловский «Опыт словаря тюркских наречий».

Уйгуро-немецкий словарь начал печататься в количестве 413 экземпляров в 1914 г., когда было завершено издание текста сутры «Золотой блеск»⁹⁴. К январю 1918 г. было набрано и отпечатано шесть печатных листов, или 96 страниц, этого словаря, включающих часть слов на *a, ä, y, i*.

В чтении корректур В. В. Радлову помогал С. Е. Малов. Работая уже в Казани, он в письме к А. Н. Самойловичу от 4.VII.1918 г. писал: «Я всегда, а последний раз незадолго до смерти В. В. Радлова, получал от него и посылал обратно, исправив, корректуру уйгурско-немецкого словаря... Будет ли

⁹⁴ См.: Отчет о деятельности имп. АН по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1914 г., СПб., 1914, стр. 28, 415.

продолжаться набор уйгурско-немецкого словаря и будут ли изданы уйгурские документы?»⁹⁵. Но, к сожалению, после смерти В. В. Радлова дальнейший набор и печатание этих работ прекратилось. Позднее в связи с планами переиздания «Опыта словаря тюркских наречий» еще раз ставился вопрос об издании древнейуйгурского словаря и в расширенном виде, и без изменений, однако эти замыслы остались неосуществленными⁹⁶. Ныне древнейуйгурскую лексикографию достойно представляет вышедший из печати «Древнетюркский словарь», корни которого тянутся к радловскому словарю⁹⁷.

Деятельность акад. Радлова в области лингвистического изучения памятников древнейуйгурского языка кратко охарактеризована нами в статье «Изучение памятников древнейуйгурского языка в отечественном востоковедении»⁹⁸. Поэтому ниже целесообразно остановиться лишь на некоторых сторонах ее, представляющих, с нашей точки зрения, наибольший интерес как в связи с научными взглядами самого В. В. Радлова, так и в отношении дальнейшего развития тюркологии. Следует рассмотреть вопрос о принципах так называемой радловской транскрипции древнейуйгурских текстов и связанных с ней взглядах ученого на фонетику древнейуйгурского языка. Интересно еще раз вернуться к классификации В. В. Радловым древнетюркских языков и диалектов и к его концепции о языке различных древнейуйгурских текстов, а также обратить внимание на некоторые его положения и замечания об орфографии и графике этих текстов.

При издании древнейуйгурских текстов В. В. Радлов придерживался в общем единой схемы, применяемой им и ранее при публикации различных письменных памятников: текст памятника в оригинальной графике наборным типографским шрифтом, транскрипция текста, перевод и комментарии. Отражением лексика предполагалось либо в индексе, либо в специальном словаре к одному или к нескольким памятникам. Только при переиздании текстов или памятников он ограничивался либо транскрипцией и переводом, либо одним новым переводом, либо, наконец, пояснениями и толкованиями отдельных спорных мест памятника. Само же переиздание памятников В. В. Радлов считал вообще «полезным для дела», особенно если вновь поступающие материалы дают

⁹⁵ Рукописный фонд ГПБ, ф. 671, № 221, л. 1—2.

⁹⁶ См.: ИАН, сер. VI, 1927, № 18, стр. 1684 и сл.; W. Radloff, *Uigurische Sprachdenkmäler*, стр. III.

⁹⁷ Древнетюркский словарь, Л., 1969, стр. III—IV.

⁹⁸ Д. М. Н а с и л о в, Изучение памятников древнейуйгурского языка в отечественном востоковедении, — «Тюркологический сборник. 1970», М., 1970, стр. 93—110.

что-то новое для прежнего толкования или если «коллеги первое издание считают неудовлетворительным и поверхностным»⁹⁹.

Работу над памятником В. В. Радлов начинал обычно с его копирования, потом он делал первую транскрипцию текста и перевод. Затем неоднократно прорабатывал текст, улучшая каждый раз чтение и перевод, и только убедившись в правильности своего чтения, транскрипции и перевода, ученый сам готовил полностью рукопись для печати. Так он работал над «Кутадгу билиг», так же шла, судя по архивным материалам, и обработка всех письменных памятников из Восточного Туркестана¹⁰⁰.

Сначала все древнеуйгурские тексты, а также и «Кутадгу билиг» набирались маньчжурскими буквами с добавлением нескольких знаков для обозначения характерных уйгурских графем. Впоследствии в одной из лейпцигских типографий для типографии Академии наук по эскизам В. В. Радлова, оформленным художником С. М. Дудиным, был изготовлен уйгурский шрифт, применяющийся и поныне во всех русских изданиях уйгурских текстов. Впервые новый шрифт был применен в 1907 г. К. Г. Залеманом в его статье «Манихенка. I», где он при издании списка слов из манихейского текста (фрагмент *X^uastvanift?*) дал для сравнения слова из «Кутадгу билиг» в уйгурском начертании¹⁰¹. Этот шрифт напоминает собой упрощенный полукурсив, приближающийся по облику к шрифту, употребляемому уйгурами для ксилографов. Создавая такой шрифт, В. В. Радлов стремился к наиболее четкому различению сходных букв, чтобы облегчить правильное понимание текста; и это ему удалось, кроме срединного «н», а также сходных «с» и «к», правда, потом начертанию последнего была придана более округлая форма. Этот вид шрифта был также более удобен в наборе, чем тот, который применяли в своих изданиях немецкие ученые и который приближался по форме к естественному начертанию знаков в рукописях.

Такая форма шрифта вызвала возражения со стороны немецких ученых, и в частности А. Лекока¹⁰². В. В. Радлов, отвечая на критику, справедливо указывал, что никакое типографское воспроизведение не может заменить собой рукопись, а поэтому цель такой передачи текста — дать удобный

⁹⁹ W. Radloff, *Chuastuanit*, стр. 51.

¹⁰⁰ W. Radloff, *Das Kudatku Bilik*, Т. II, 2. Lfg., стр. 559—560; см. также: ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 1, №№ 1, 4, 6, 12, 21 и др.

¹⁰¹ C. Salemann, *Manichaica*, I, — ИАН, сер. VI, 1907, т. I, № 7, стр. 179—183.

¹⁰² См.: A. v. Le Coq. *Ein christliches und ein manichäisches Manuskriptfragment... aus Turfan...*, стр. 1214.

для чтения и использования материал памятника, который ясно отражал бы характерные особенности его орфографии¹⁰³.

Транскрипция древнеуйгурских памятников давалась В. В. Радловым на основе русской графики, только при издании материалов экспедиции А. Грюнведела был применен латинский алфавит. Принципы этой транскрипции и раскрытие значений используемых букв и диакритических знаков были изложены в известной записке В. В. Радлова, В. П. Васильева и К. Г. Залемана «Общелингвистическая азбука, составленная на основании русских букв»¹⁰⁴. Большим ее достижением было провозглашение важнейшего принципа: каждый отдельный звук или «характеристическая точка звукового ряда» должен изображаться одной определенной буквой, и, наоборот, каждая буква в транскрипции должна употребляться только с одним значением¹⁰⁵.

Относительно формулировки «характеристическая точка звукового ряда» следует заметить, что она является своеобразным определением понятия фонемы и, несомненно, отражает точку зрения И. А. Бодуэна де Куртенэ, помогавшего в составлении данной «Азбуки».

Эта так называемая русская академическая транскрипция применялась с известными отклонениями и оговорками во всех лингвистических работах В. В. Радлова.

Но если применение этой транскрипционной системы к живым тюркским языкам не вызывало затруднений, то при передаче звукового строя памятников письменности возникли трудности прежде всего теоретического характера. К сожалению, ни один из используемых древними тюрками алфавитов не был специально приспособлен к передаче тюркских звуков. Даже орхоно-енисейский алфавит с его многими знаками для консонантов не давал в то же время ясного ответа о качестве гласных, не были удобны для фонетической системы тюркских языков и другие являющиеся тюркской адаптацией иноязычные алфавиты. В связи с этим исследователь, если он хочет дать текст в транскрипции, должен так или иначе отразить свое понимание его фонетики, восполняя на основе косвенных данных компоненты этой системы, ко-

¹⁰³ W. Radloff, *Chuastuanit*, стр. 44; его же, *Alttürkische Studien* (I), — ИАН, сер. VI, 1909, т. III, № 18, стр. 1219. В. Томсен писал В. В. Радлову об этом новом шрифте: «Ваш новый шрифт, в отличие от прежнего, сочетает ясность с большей красотой» — письмо от 5.XI.1909 г. (ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 2, № 252, л. 15).

¹⁰⁴ В. В. Радлов, В. П. Васильев, К. Г. Залеман, *Общелингвистическая азбука, составленная на основании русских букв*, СПб., 1887.

¹⁰⁵ Там же, стр. 11.

торые не находят отражения в той или иной графике или орфографии.

В тюркологии исторически сложилась, начиная с первых издателей древнетюркских памятников, именно эта система воспроизведения текста памятника, которую А. Габен назвала, видимо очень удачно, интерпретирующей транскрипцией¹⁰⁶. Данная система как раз и базируется на упомянутом выше принципе, совмещая в себе в известной пропорции транслитерацию имеющих определенное звуковое содержание знаков письма и интерпретацию исследователем полифонных знаков или буквенных конъектур при различных приемах орфографии. Таким образом, момент субъективного подхода к тюркскому тексту находится уже внутри самого принципа интерпретирующей транскрипции, поскольку выбор приписываемых характеристик во многом определяется факторами, лежащими вне данной графической системы и зависящими от параметров фонетической и фонологической системы, заданных для определенного памятника самим исследователем. Принцип же чистой транслитерации при издании древнетюркских памятников ранее почти не применялся¹⁰⁷, мало он используется и в современных работах по тюркологии¹⁰⁸.

При указанной системе транскрипции древнетюркских памятников, естественно, особое значение приобретает отправная точка исследователя при интерпретации им фонетики памятника. Это также отчетливо понимал В. В. Радлов. Он указывал, что «всякая фонетическая транскрипция старого текста есть, безусловно, субъективное понимание фонетического значения данного знака письма». Однако, исходя из этого положения, он шел дальше и пытался реконструировать живое произношение древнего тюрка. Он писал о своей транскрипции сельджукских стихов следующее: «Моя фонетическая транскрипция... преследовала только цель показать, как представляется мне фонетическое развитие тюркского языка, на котором произносили сельджуки те стихи... я представлял, что автор мог говорить, наверное, так...»¹⁰⁹. Тому же принципу он следовал и при транскрибировании орхоно-ени-

¹⁰⁶ A. v. Gabain, Türkische Turfantexte. X. Das Avadāna des Dämons Aṭavaka bearbeitet von T. Kowalski.—ADAW, 1958, № 1 (1959), стр. 8.

¹⁰⁷ Ср.: W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, St.-Pbg., 1895; V. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon.—MSFOu, 1896, V; П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль Тегина, СПб., 1899; N. H. Orkun, Eski türk yazitları, I—IV, Istanbul, 1936—1941.

¹⁰⁸ O. Pritsak, Zum Parallelismus im Alttürkischen.—StO, 1964, XXVIII, 6, стр. 4—5.

¹⁰⁹ W. Radloff, Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems.—ИАН, сер. V, 1901, т. XIV, № 4, стр. 452.

сейских надписей, на этой основе пытался представить и язык «Кутадгу билиг» и древнейуйгурских памятников.

Следует, однако, отметить, что на том этапе развития в тюркском языкознании не существовало еще четкого различия понятий фонетической и фонологической транскрипции, и то, что В. В. Радлов называл фонетической транскрипцией, является, по существу, фонологической интерпретацией звуковой системы определенного памятника. Очевидно, что представить речь древнего тюрка в фонетической записи невозможно, правда, В. В. Радлов в предисловии к «Кутадгу билиг» попытался дать отрывок текста, показав в транскрипции и некоторые позиционные изменения звуков в потоке речи¹¹⁰.

Какие же моменты определили подход В. В. Радлова к фонетике языка древнейуйгурских памятников?

На первое место следует поставить изучение В. В. Радловым графики и орфографии этих памятников, прежде всего «Кутадгу билиг» и многих памятников из Восточного Туркестана, написанных на уйгурском алфавите. Изучение приемов письма на этом алфавите, имеющем только 14 знаков, привело В. В. Радлова к предположению о том, что уйгуры «при адаптации алфавита не видели необходимости выделять глухие и звонкие взрывные и шипящие звуки специальными знаками, хотя эти звуки определенно существовали в их языке»¹¹¹. Указанное обстоятельство можно было объяснить тем, что качество этих звуков определялось их позицией как в слове, так и в потоке речи. Возможность такого объяснения подсказывали современные тюркские языки — алтайский, хакасский, тувинский, карагасский, чувашский, — хорошо знакомые В. В. Радлову. Данные уйгурской графики, а также некоторых живых языков укрепили ученого во мнении, что в древнейуйгурском языке существовали фонетические законы, сходные с законами в восточнотюркских языках. Так возникла известная радловская транскрипция «Кутадгу билиг», относимого ученым в то время к памятникам древнего уйгурского языка или диалекта¹¹².

О своей транскрипции он писал следующее: «Когда я решил опубликовать в транскрипции „Кутадгу билиг“, я полагал, что меньше всего проведу насилие над уйгурским языком, если я его транскрибирую по произношению восточных диалектов», и еще: «...я убежден, что я в своей фонетической транскрипции уйгурского текста „Кудатку билик“ дал, в общем, правильную картину языка уйгуров, как они го-

¹¹⁰ W. Radloff, Das Kudatku Bilik, T. I, стр. XCII.

¹¹¹ W. Radloff, Die vorislamitischen Schriftarten, стр. 840.

¹¹² W. Radloff, Das Kudatku Bilik, T. II, 2. Lfg., стр. 558.

ворили в XI в. в Восточном Туркестане... Моя транскрипция текста должна была доказать, что в языке уйгуров произношение взрывных и сибилантов определялось их местом в слове...»¹¹³. В связи с приведенными словами В. В. Радлова представляется спорным замечание С. Е. Малова о том, что «В. В. Радлов, встретившись в „Кутадгу билиг“ с языком „д“, естественно, сблизил его с сойонским (теперь тувинским), изученным им», и поэтому «обалтаивает» язык этого памятника¹¹⁴. Хотя В. В. Радлов указывал на соответствие $\partial//t//j//z$, он не придавал ему решающего значения, и поэтому, видимо, не данное обстоятельство было ведущим в определении основ его транскрипции.

Радловская транскрипция «Кутадгу билиг» и реконструкция фонетической системы этого памятника вызвала известную критику со стороны В. Томсена, который опровергал ее на основе анализа поэтических средств поэмы. К доводам В. Томсена присоединились К. Фой, Ф. В. К. Мюллер, А. Леккок и другие тюркологи, привлекавшие для доказательств памятники, написанные на разных алфавитах, и данные живых тюркских языков. Однако В. В. Радлов и в последних своих работах указывал, что его точка зрения все же верна для древнейшего периода уйгурского языка, на который затем оказали влияние различные древние языки и диалекты, что привело к изменению его фонетической системы¹¹⁶. Если с течением времени и особенно после открытия второго, карского списка «Кутадгу билиг» взгляды ученого на язык этого памятника претерпели изменения, то в отношении своих взглядов на фонетику языка многочисленных памятников из Восточного Туркестана В. В. Радлов оставался всегда последовательным, придерживаясь тезиса о близости фонетики древнеуйгурского языка к фонетике северо-восточных тюркских языков и диалектов. Поэтому во всех изданиях, где давалась транскрипция, В. В. Радлов все анлаутные и ауслаутные взрывные и шипящие согласные передавал как глухие, а интервокальные — как соответствующие звонкие. По мере накопления материала и увеличения количества публикуемых разными учеными текстов становилось явственнее своеобразие радловской транскрипционной системы и несоответствие ее принципов с системой передачи древнетюркских текстов, складывающейся в тюркологии. Видимо, это и заставило В. В. Радлова вообще отказаться от транскрибирования издаваемых новых древнеуйгурских текстов, ограни-

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ С. Е. Малов, Памятники, стр. 97.

¹¹⁵ W. Radloff, *Alttürkische Studien*, V,— ИАН, сер. VI, 1911, т. V, № 6, стр. 437—438.

чиваясь их наборным воспроизведением. Он писал позже: «Транскрипцию текста русскими буквами я считаю не нужной, даже вредной, так как она может внести неясности, ибо мы не можем знать, к какому времени относится перевод [этой сутры.— Д. Н.], а поэтому можно легко внести в текст искажения»¹¹⁶. При издании крупнейших древнейуйгурских памятников, в том числе и сутры «Золотой блеск», вопрос об их транскрибировании уже не ставился. Последний крупный текст в транскрипции был представлен в издании «Дишаствустик-сутры», однако здесь В. В. Радлов ввел дополнительные буквы с диакритикой, чтобы свою транскрипцию сблизить насколько можно с транслитерацией текста¹¹⁷.

Изучая орфографию турфанских текстов, В. В. Радлов пришел к предположению, что на раннем этапе развития древнейуйгурского языка в последнем наблюдались два переднеязычных звука, качество которых определялось их местом в слове и которые передавались на письме первоначально разными уйгурскими буквами «т» и «д». Через «т» передавались альвеолярные взрывные *t* и *ḏ*, а через «д» — интердентальные *ṭ* и *ḍ*. Подтверждение этой гипотезы он видел в соответствиях орфографическому «д» [т. е. *ṭ* ~ *ḍ*] орфографическому *ḏ* в более поздних текстах на арабском алфавите, которое выступает в словах *öḏ* «время», *äḏgü* «хороший»; *adaḏ* «нога» и др. Позднее интердентальные *ṭ* и *ḍ* совпали с альвеолярными *t* ~ *ḏ*, и поэтому знаки «д» и «т» в поздних уйгурских текстах могли смешиваться и употребляться бессистемно¹¹⁸. Представляется, что указанная гипотеза В. В. Радлова в дальнейшем так и не нашла своей проверки.

Остались также без внимания мысли ученого об особенностях орфографии некоторых манихейских текстов, выражающихся в написании в ряде аффиксов широких негубных гласных вместо узких. Первоначально В. В. Радлов объяснял это влиянием норм орфографии, когда в писавшихся отдельно от основы аффиксах с гласным анлаутом, а также и с узким гласным в инлауте иногда выписывался только начальный алиф, а сам узкий гласный не обозначался или вообще отсутствовало всякое обозначение гласного. По предложению К. Г. Залемана В. В. Радлов обозначал его через ' ¹¹⁹. В слу-

¹¹⁶ W. Radloff, *Kuan-ši-im Pusar*, стр. IV.

¹¹⁷ W. Radloff, *Ṭiṣastvustik*, стр. V; его же, *Die vorislamitischen Schriftarten*, стр. 842.

¹¹⁸ W. Radloff, *Die vorislamitischen Schriftarten*, стр. 839; его же, *Altürkische Studien*. IV,— ИАН, сер. VI, 1911, т. V, № 5, стр. 317; его же, *Altürkische Studien*. V,— ИАН, сер. VI, 1911, т. V, № 6, стр. 438.

¹¹⁹ W. Radloff, *Altürkische Studien*. III.— ИАН, сер. VI, 1910, т. IV, № 13, стр. 1032—1034.

чае наличия алифа Радлов называл его «алифом, несущим гласный» (*Vokalträger Elif*). Таким образом, подобные написания ученый тогда рассматривал не как фонетическое своеобразие какого-либо диалекта, а как орфографический прием, ссылаясь также на их непоследовательность и частые колебания с *a* и *ы* в одном и том же тексте. Позже В. В. Радлов частично изменил свою точку зрения и допускал, что в основе данного явления лежат «фонетические причины — качество гласных *й* и *ь* в аффиксах. У манихейцев это были звуки со слабой артикуляцией — неопределенные слабые гласные, которые они обозначали через алиф, несущий гласный, или просто пропускали»¹²⁰. Для доказательства он приводил отдельные, сделанные им подсчеты пропусков знаков (для *ы* 11 раз) и наличия алифа (для *ь* 33 случая, для *й* — 12), а также случаи, когда алиф употребляется и при огубленном гласном. Интересно, что в эти же годы аналогичные мысли высказывал В. Банг в связи с отражением узких гласных в «*Codex Sumanicus*». Он писал: «В *Codex Sumanicus* писали *chex* для *qyz*, *bager* для *baγur* и т. д... Я считаю эту передачу заслуживающей внимания, так как она для нас является, возможно, поводом к объяснению своеобразного уйгурского написания с *a* и *ä* вместо ожидаемого *y*: *tartap* вместо *tartyp*. Я бы хотел видеть в этом своеобразном написании остаток от того времени, когда уже нельзя было передавать *y* (из-за изменения его качества.— Д. Н.) через знак для *i*. Чтобы никак не предрешать звуковой смысл знака, я бы предложил во всех случаях, где вместо *y* выступают *a*, *ä*, обозначать их через *e* или *ä...*»¹²¹. Таким образом, оба ученых придавали этим своеобразным написаниям фонетический смысл, считая их способом отражения редукции узких гласных, особенно *ы*, в последних слогах слов или в аффиксах, но никак не чередованием *a/ы*. Кстати, именно как чередование объяснял это явление А. Лекок: «уже рано встречаются чередования *a/i* — *yarlaγ*, *savaγ*»¹²². В современных классификациях древнетюркских диалектов наличие в данной позиции широкого *a/ä* вместо *i/i* безоговорочно считается одним из фонетических классификационных признаков так называемого *n*-диалекта¹²³.

В вопросе о наличии первичных долгих гласных в древ-

¹²⁰ W. Radloff, *Altürkische Studien*. VI, стр. 479.

¹²¹ W. Bang, *Zu der Moskauer Polowzischen Wörterliste*.— BAB, 1911, стр. 94—95.

¹²² A. v. Le Coq, *Kurze Einführung in die uigurische Schriftkunde*.— MSOS, 1919, XXII, Abt. I—III, стр. 119.

¹²³ См.: A. v. Gabain, *Altürkische Grammatik*, Leipzig, 1950, стр. 5; е е же, *Das Altürkische*.— PhTF, I, стр. 25.

неуйгурском языке В. В. Радлов придерживался своего предположения, что «тюркские языки первоначально не имели долгих гласных в корнях, а встречающиеся долготы — явления гистерогенные»¹²⁴. Поэтому все двойные написания букв для обозначения гласных в словах *сүү* 'войско', *оот* 'огонь', *коош* 'пара' и др. он объяснял как способ различения омонимичных слов¹²⁵, т. е. так же, как и в языке орхон-енсейских текстов¹²⁶.

Как известно, В. В. Радлов не успел написать очерка фонетического и грамматического строя древнеуйгурского языка. Сведения по фонетике в самом общем виде представлены лишь в статье «Старотюркские заметки. V»¹²⁷, но многие интересные замечания об отдельных фонетических явлениях встречаются в примечаниях В. В. Радлова к текстам и переводам. То же самое можно сказать и об описании морфологии и синтаксиса древнеуйгурского языка. Только самые важные морфологические черты включены ученым в качестве классифицирующих при распределении им древнетюркских диалектов по группам. Более углубленную разработку эти вопросы должны были получить, по замыслу В. В. Радлова, в специальных работах¹²⁸. Об этом говорят также и сохранившиеся наброски восьмой статьи «Старотюркские заметки», где В. В. Радлов рассматривает образование имен, склонение и некоторые послелогов в древнетюркских языках в сопоставлении с чувашским языком¹²⁹. Так же как и по вопросам фонетики, многие сведения по древнеуйгурской морфологии и синтаксису содержатся в радловских комментариях к текстам. По опубликованным работам, а также по некоторым архивным материалам можно все же составить целостное представление о взглядах ученого на язык древнетюркских памятников из Восточного Туркестана и на его место среди других древних тюркских языков и диалектов. Их, по-видимому, можно свести к следующим основным положениям.

Прежде всего, В. В. Радлов все тюркские языковые памятники относил к двум большим периодам и ареалам: 1) древнетюркские памятники Восточной Азии домонгольского времени; 2) среднетюркские памятники Средней и Западной

¹²⁴ W. Radloff, Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems, стр. 431.

¹²⁵ W. Radloff, Kuan-ši-im Puser, стр. 66; его же, *Ťiŝastvustik*, стр. 53.

¹²⁶ W. Radloff, Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems, стр. 458—459.

¹²⁷ См.: W. Radloff, *Altürkische Studien*. V, стр. 427—452.

¹²⁸ W. Radloff, *Altürkische Studien*, I, стр. 1213.

¹²⁹ См.: ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 1, № 36.

Азии и Европы после распада монгольской империи; «образование монгольского государства является естественной границей обоих периодов»¹³⁰, ибо с этим связано значительное перемещение и смешение тюркских племен.

Далее, для ученого было обязательным признание того, что «языковой продукт народа состоит из двух стоящих рядом языковых миров: разговорные диалекты отдельных племенных групп, подвергающиеся взаимному влиянию, и письменный язык (или языки), который имеет независимое от диалектов развитие в возвышающихся в течение времени различных культурных центрах. Поэтому разговорный язык в своих диалектах и искусственный (т. е. литературный.— Д. Н.) язык, зафиксированный на письме, суть собственно несоизмеримые величины, которые должны рассматриваться с разных точек зрения»¹³¹.

Из указанных положений следуют два важных вывода. Первый состоит в том, что, как правило, в языке существует система диалектов, находящихся в различной степени близости между собой. Последнее В. В. Радлов неоднократно подчеркивал, особенно в своих возражениях К. Фою и А. Лекоку, которые для доказательства своих фонетических построений приводили данные из самых разнообразных памятников. В. В. Радлов писал: «К. Фой придерживался иной точки зрения, он понимал древнетюркский язык как единый язык и хотел... с помощью памятников на эстрангело-шрифте, принадлежащих манихейцам из Турфана, определить звуковое содержание уйгурских букв. Теперь работу Фоя намерен продолжить Лекок... Он хочет через сопоставление тюркских слов, которые он взял из разных манихейских фрагментов на эстрангело, доказать правильность взглядов Томсена и Фоя и обещает после изучения брахми и тибетских тюркских рукописей представить точнее вокализм древнетюркского языка (и опять-таки потому, что это единый неизменяемый язык!). Я считаю такие исследования не очень плодотворными и довольно безнадежными, так как, во-первых, никогда не существовал единый древнетюркский язык, а имелся только ряд древнетюркских диалектов»¹³², а во-вторых, еще не установлено, где и когда написан каждый памятник.

С этим связано и второе положение об изменчивости и своеобразном развитии каждого отдельного диалекта¹³³. Не был исключением из этого правила и тюркский язык (точ-

¹³⁰ W. Radloff, *Altürkische Studien*. IV, стр. 306.

¹³¹ W. Radloff, *Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems*, стр. 426.

¹³² W. Radloff, *Die vorislamitischen Schriftarten*, стр. 842—843.

¹³³ W. Radloff, *Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems*, стр. 407, 427.

нее, языки Восточного Туркестана), который «на протяжении более 600 лет постоянно изменялся»¹³⁴.

Из указанных посылок В. В. Радлова следовал важный вывод, который сохраняет свое значение и для современного исследователя древнеуйгурских памятников. В основе литературного языка лежит какой-нибудь определенный диалект, но с течением времени они все более и более расходятся, поскольку нормы литературного языка фиксируются и сохраняются в силу традиции, а также и из-за особенностей памятников письма, представленных в своем большинстве сакральной литературой, в то время как разговорный язык продолжает развиваться по своим законам. Однако и тогда между ними происходит своеобразное взаимодействие, выражающееся в проникновении новых языковых норм при составлении последующих копий текста и их редакции. Поэтому каждый текст (а то, что тексты относятся к разному времени, совершенно ясно) по-особому и только по-своему отражает какие-то стороны данного процесса. В. В. Радлов так писал об указанном явлении: «Из этих [турфанских] памятников можно видеть, как сохранились в позднее время древние формы, но между тем появились многие новые фонетические явления, новые грамматические формы и слова, которые явно заимствованы из разговорного языка. Появляются явные доказательства, что тюркский язык Турфана благодаря своим связям с западными тюркскими племенами и благодаря передвижению тюркских племен постоянно изменяется, и разговорный язык автора (и переписчика рукописи тоже.— Д. Н.) уже более не совпадает с письменным языком»¹³⁵. В памятниках к тому же представлен не единый литературный язык, а ряд его разновидностей, объясняемых принадлежностью памятников не только разным религиям (манихейство, христианство, буддизм), но и различным местным литературно-религиозным школам и традициям¹³⁶.

Вот почему В. В. Радлов, стоя на указанной точке зрения, настоятельно требовал всегда внимательно относиться к каждому тексту из Восточного Туркестана, тщательно изучать его орфографию, грамматические и лексические особенности, чтобы глубже разобраться в том языке, который он отражает, и не допустить смешивания различных текстов между собой. Именно поэтому он не всегда отказывался от своих взглядов на тот или иной текст, считая, например, что «Ку-

¹³⁴ W. Radloff, Die vorislamitischen Schriftarten, стр. 842.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же, стр. 843—845; ср.: A. v. Gabain, Buddhistische Türkenmission, — «Asiatica», Leipzig, 1954, стр. 161—173; е е же, Das uigurische Königreich von Chotscho. 850—1250, Berlin, 1961, стр. 16—19.

тадгу билиг» или хозяйственные документы отражают совершенно определенный тип языка, не представленный в других памятниках, и что ссылки на последние поэтому неубедительны. Между тем В. В. Радлову не всегда удавалось провести в жизнь свои взгляды. В тот период интенсивного накопления и освоения нового материала не было возможности подвергнуть все тексты детальному изучению, и новые находки часто рушили старые концепции, подрывали казавшиеся правильными доказательства. Не избег этого и сам В. В. Радлов. Следует также заметить, что ряд вопросов он решал поспешно и в категоричной форме, не располагая для этого достаточным количеством фактического материала. Однако, несмотря ни на что, радловские мысли имели и продолжают сохранять свое большое научное значение. До сих пор остается актуальной разработка объективных критериев для анализа древнеуйгурских текстов. Для правильной периодизации памятников, для установления хронологии и для определения их языковой принадлежности требуется углубленное всестороннее изучение большого количества языкового материала на основе принципов, полностью исключающих субъективный подход исследователя. Эти задачи, которые ясно сформулировал еще В. В. Радлов, остаются во многом не решенными.

При определении языковой принадлежности памятников, а также при классификации языков и диалектов В. В. Радлов отводил немалое место и учету сложной этнической истории, постоянного взаимодействия и взаимовлияния тюркских племен, расселявшихся в разное время на территории Восточного Туркестана и Западного Китая¹³⁷.

Указанные выше принципы легли в основу составленной впервые в тюркологии В. В. Радловым развернутой классификации древних языков и диалектов. Возникшая на основе изучения древнетюркских памятников, эта классификация охватывала лишь первый, т. е. домонгольский, период истории тюркских языков. Она представлена в пятой статье В. В. Радлова «Старотюркские заметки» (1911 г.). Основные ее положения, касающиеся памятников древнеуйгурского языка, изложены также в докладе В. В. Радлова, прочитанном им в Восточном отделении Русского археологического общества осенью 1910 г.¹³⁸

¹³⁷ W. Radloff, *Alttürkische Studien*. IV, стр. 305—306, 314.

¹³⁸ В. В. Радлов, Турфанские тексты в лингвистическом отношении (изложение реферата), — ЗВРАО, 1913, т. XXI, вып. 1, стр. XIV—XVI. План-конспект этого доклада, — ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 1, № 41, лл. 1—4. К сожалению, протоколы заседаний Восточного отделения Русского археологического общества с 1907 по 1913 г. не сохранились (см.: Архив ЛО Ин-та археологии АН СССР, ф. 3, РАО, «Указатель предметный») и поэтому не представляется возможным восстановить

Радловская классификация базируется прежде всего на установлении особенностей фонетики и морфологии отдельных памятников. Кроме того, обращается внимание на тип письма, некоторые моменты истории и географические данные.

В. В. Радлов выделяет три древнетюркских диалекта. Первый — северный диалект, или язык тюрок-сиров. Его отражают все памятники, написанные на руническом, орхоно-енисейском алфавите¹³⁹. Северному диалекту противопоставляется древний южный диалект, или уйгурский язык, который нашел отражение в некоторых рукописях на уйгурском алфавите. Именно с этим диалектом связывал В. В. Радлов свою точку зрения на фонетику древнейуйгурского языка, которую он постоянно отстаивал. Он считал, что уйгурский алфавит первыми адаптировали для записи своей речи как раз носители данного диалекта. Этот язык зафиксирован, по мнению В. В. Радлова, в гератской рукописи «Кутадгу билиг», в курсивных документах из Турфана и в фрагменте из коллекции Н. Н. Кроткова, который был издан в книге «Куанши-им пусар». В колофоне, частично сохранившемся в этом фрагменте, тюркский язык назван «ујбур тіл (і)».

В то же время в большинстве памятников, которые В. В. Радлов относил к третьей группе диалектов — группе смешанных диалектов¹⁴⁰, тюркский язык обозначался как «түрк тіл (і)» или «түрк ујбур тіл»¹⁴¹. К ним В. В. Радлов причислял кроме больших буддийских текстов *Suvaṇṇaprabhāsa*, *Maitrisimit*, *Ṭiṣṭavustik-sūtra*, *Ḳuan-ṣi-im Pusar* также многочисленные религиозные фрагменты на манихейском и уйгурском алфавитах. Язык этих памятников характеризовался смешением черт северного и южного диалектов. Это был литературный язык религиозных текстов, который «обслуживал тюрк различных диалектов»¹⁴² и который «окончательно выработался между VIII и X столетиями и потом уже употреблялся в монастырях без всякого изменения, между тем как разговорный язык подвергся впоследствии сильным изменениям»¹⁴³, однако во всех этих памятниках «отчетливо

ход обсуждения доклада В. В. Радлова, где кроме А. Н. Самойловича выступали Н. И. Веселовский и К. Г. Залеман.

¹³⁹ Характеристику этого диалекта см.: А. М. Щербак, В. В. Радлов и изучение памятников рунической письменности, — наст. изд., стр. 54—63.

¹⁴⁰ W. Radloff, *Altürkische Studien*, V, стр. 437.

¹⁴¹ В. В. Радлов и С. Е. Малов, *Suvaṇṇaprabhāsa*, стр. V; A. v. Gabain, *Maitrisimit. Faksimile der alttürkischen Version eines Werkes der buddhistischen Vaibhāṣika-Schule...*, Wiesbaden, 1957, стр. 13—14, 27; е е же, *Briefe der uigurischen Hüen-tsang-Biographie*, — SPAW, 1938, XXIX, стр. 388.

¹⁴² W. Radloff, *Ṭiṣṭavustik*, стр. V.

¹⁴³ В. В. Радлов и С. Е. Малов, *Suvaṇṇaprabhāsa*, стр. XV.

видны следы особенностей, которые могут проистекать только от разговорного языка их автора»¹⁴⁴.

Как указывал В. В. Радлов, памятники смешанного диалекта распадаются на два языковых типа, или поддиалекта: западный и восточный. Первый представлен в языке «Покаянной молитвы манихейцев» и в примыкающем к нему в отдельных своих чертах языке каирской рукописи «Кутадгу билиг», а второй, восточный, или буддийский литературный язык, — в прочих памятниках¹⁴⁵. Отличительной особенностью последних памятников является единая орфография, совпадающая с орфографией манихейско-тюркских текстов.

Так В. В. Радлов классифицировал древние тюркские языки и диалекты и распределял памятники, их отражающие. Прделав эту работу для древнейшего периода истории тюркских языков, он призывал своих молодых коллег-тюркологов предпринять подобное систематическое и тщательное исследование материалов среднетюркского периода (XIII—XVI вв.), следующего в развитии тюркских языков¹⁴⁶.

Конечно, эта классификация В. В. Радлова не является исчерпывающей. Языковая действительность сложна и с трудом может быть втиснута в рамки какой-либо классификации. Видимо, и сам В. В. Радлов признавал это, когда указывал, что дальнейшее изучение памятников может внести больше ясности в его работу¹⁴⁷. На недостатки радловской классификации обращали внимание уже его современники и ученики. Несколько замечаний к ней сделал А. Н. Самойлович. Они представляют несомненный интерес, ибо сам А. Н. Самойлович внес заметный вклад в дело классификации тюркских языков. В «Некоторых дополнениях к классификации турецких языков» он указывал, что для отнесения памятников енисейско-орхонской и уйгурской письменности к двум разным группам языков домонгольского периода нет достаточных оснований и что он «не склонен резко разграничивать эти языки», хотя, конечно, в них нельзя не видеть некоторых особенностей¹⁴⁸. «С другой стороны, группировка турецких языков в домонгольский период была более сложной, чем та, какую намечал Радлов во второй редакции своей классификации»¹⁴⁹. Несколькими годами раньше в своих заметках,

¹⁴⁴ W. Radloff, *Altürkische Studien*. V, стр. 443.

¹⁴⁵ Там же, стр. 446, 448.

¹⁴⁶ Там же, стр. 451—452.

¹⁴⁷ Там же, стр. 449.

¹⁴⁸ А. Н. Самойлович, *Некоторые дополнения к классификации турецких языков*, Пг., 1922, стр. 7.

¹⁴⁹ Там же, стр. 7.

большей частью неопубликованных, А. Н. Самойлович также неоднократно обращался к радловской классификации и высказывал в связи с ней некоторые заслуживающие внимания мысли. Как и В. В. Радлов, он считал образование монгольской империи важным рубежом в истории тюркских языков. Для домонгольского периода А. Н. Самойлович устанавливал тогда две основные группы диалектов: огузскую и уйгурскую. Каждая из них подразделялась на две подгруппы: первая на восточноогузскую и западноогузскую, вторая на восточноуйгурскую и западноуйгурскую¹⁵⁰. Смешанный западный литературный язык он называл соответственно огузоуйгурским¹⁵¹. Одним из первых А. Н. Самойлович высказал предположение о принадлежности «Кутадгу билиг» тюркам-карлукам¹⁵². В. В. Радлов не поднимал вопроса о племенной принадлежности этого памятника, как и вообще всех древнеуйгурских текстов. В другом месте А. Н. Самойлович делил историю среднеазиатских турецких языков на три периода¹⁵³. Первый он называл древнетурецким, когда господствовала енисейско-орхонская письменность. Второй, уйгурский, период он связывал с распространением других видов письменности. Его конец он относил к XI—XIII вв., когда полностью утвердилась мусульманская культура и начинался уже третий период. «Язык памятников (этого периода.— Д. Н.) в общем одинаков с языком предшествующего периода, или обнаруживает существенные особенности и тогда может называться литературным уйгурским языком»¹⁵⁴. Несмотря на то что интересы А. Н. Самойловича все же сосредоточивались на изучении памятников среднеазиатского литературного языка более позднего периода, содержащиеся в его работах неоднократно замечания о языке древнетюркских памятников показывают, как живо в то время интересовали тюркологов вопросы о месте языка последних в ряду других тюркских языков, а также связи и взаимовлияния древних языков. Этот интерес был, несомненно, в значительной мере определен научной деятельностью В. В. Радлова в данной области. Нельзя не отметить, что вся последующая

¹⁵⁰ А. Н. Самойлович, Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями [1918 г.],— Рукописный отдел ГПБ, ф. 671, № 126, л. 16.

¹⁵¹ Там же, л. 22.

¹⁵² Там же, л. 19; ср. его же, К истории литературного среднеазиатского турецкого языка,— в кн.: «Мир-Али-Шир», Л., 1928, стр. 19—21.

¹⁵³ А. Н. Самойлович, Турецкие этюды. Исследования по истории среднеазиатско-турецких литератур и языков [1917—1918 гг.],— Рукописный отдел ГПБ, ф. 671, № 100.

¹⁵⁴ Там же, л. 854.

работа в этом направлении так или иначе испытала на себе благотворное влияние идей В. В. Радлова¹⁵⁵.

Выше были затронуты лишь отдельные стороны многолетней многогранной и плодотворной работы акад. В. В. Радлова по изучению им памятников древнеуйгурского языка. Его деятельность по изданию этих памятников была неотъемлемой частью того «интенсивного собирания и издания материала... и первоначальной, только предварительной обработки наличных материалов»¹⁵⁶, чем и характеризовался «радловский» этап развития нашей тюркологии. В. В. Радлов первым предпринял попытки научного осмысления древнеуйгурских текстов из Восточного Туркестана и в сопоставлении с орхоно-енисейскими и другими письменными памятниками стремился представить их языки в определенной системе, что нашло отражение в его классификации, а также в серии статей по древнетюркским языкам. В. В. Радловым заложены и основы грамматического изучения этих памятников, а также произведена систематизация их лексического богатства.

Сам же Василий Васильевич Радлов, оценивая свою работу в этой области тюркского языкознания, скромно писал: «Я же постоянно рассматривал себя только как работника, который ищет правду, но, к сожалению, часто вступает на ложный путь...»¹⁵⁷, и «поэтому мои работы не могут представлять собой ничего другого, как строительные камни к возведению этой науки (т. е. тюркологии. — Д. Н.). Другие должны по мере сил продолжить ее развитие»¹⁵⁸. И ныне мы видим, из каких прочных камней был сложен крупнейшим тюркологом фундамент нашей успешно развивающейся науки.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЯ — Вопросы языкознания, М.

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л.

¹⁵⁵ См.: Э. В. Севортьян, Современное состояние и некоторые вопросы исторического изучения тюркских языков в СССР, — сб.: «Вопросы методов изучения истории тюркских языков», Ашхабад, 1961, стр. 15, 24; Б. А. Серебрянников, К проблеме классификации тюркских языков, — ВЯ, 1961, 4, стр. 63; Н. А. Баскаков, Введение в изучение тюркских языков, М., 1962, стр. 177, 180—182.

¹⁵⁶ А. Н. Самойлович, В. В. Радлов как тюрколог, — ТТКО ИРГО, 1912, т. XV, вып. 1, стр. 32.

¹⁵⁷ W R a d l o f f, Chuastuanit, стр. 48.

¹⁵⁸ W. R a d l o f f, Das Kudatku Bilik, T. II, 2. Lfg., стр. 560.

- ИРКИСВА — Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, СПб.—Пг.
КМВ — Казанский музейный вестник, Казань.
ТТКО ИРГО — Труды Троицко-Кяхтинского отделения имп. Русского географического общества, СПб.
ADAW — Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Berlin.
APAW — Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.
BAB — Bulletin de L'Académie royale de Belgique, Bruxelles.
BB — Bibliotheca Buddhica, СПб.—Пг.—Л.
JSFOu — Journal de la Société Finno-Ougrienne, Helsingfors — Helsinki.
MIOF — Mitteilungen des Instituts für Orientforschung an der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Berlin.
MSFOu — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, Helsingfors — Helsinki.
MSOS — Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der Friedrich-Wilhelms Universität zu Berlin, Berlin.
PhTF — Philologiae Turcicae Fundamenta, t. I, Wiesbaden, 1959.
ТТКУ — Türk Tarih Kurumu yayınları, Ankara.
SPAW — Sitzungsberichte der K. Preussischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.
StO — Studia Orientalia, Helsinki.